

Возвращение Ингмара Бергмана в театр

Фильмы шведского режиссера и сценариста Ингмара Бергмана, снимавшиеся им с середины 50-х годов, снискали ему поистине мировую славу. Однако его истинным призванием, по словам самого мастера, всегда был и остается театр. Следуя этому призванию, Бергман, «один из величайших поэтов кинематографа», ушел из кино и возвратился к деятельности театрального режиссера, возглавив труппу стоковского Королевского драматического театра.

«ОБСЕРВЕР», ЛОНДОН.

— СТРАНА наша обширна, и нас так немного, и мы так по ней рассеяны... — заметил несколько лет назад Ингмар Бергман.

— Люди вынуждены всю свою жизнь проводить на своих фермах, где они изолированы друг от друга. Но и в большом городе, живя, казалось бы, в тесном контакте с другими людьми, они не умеют общаться между собой.

Эта духовная изоляция больше, чем что-либо другое, занимает Бергмана — выдающегося режиссера и одного из величайших поэтов кинематографа.

В отличие от большинства режиссеров он успешно работает как в театре, так и в кино, привнося в свои фильмы интимность театральных постановок, а в театральные спектакли — точность, свойственную кинематографу.

— Я еще могу прожить без того, чтобы снимать фильм, — заявил он однажды, — но без театра не смогу.

Сам Бергман чрезвычайно сдержанный человек с необычайно богатой фантазией и весьма сложным характером. Он родился в семье пастора лютеранской церкви, служившего капелланом шведской королевской семьи, и был воспитан в атмосфере пуританского благочестия, трудолюбия и консервативных взглядов на жизнь. В его доме решительно не одобрялось проявление каких бы то ни было чувств. Все его детство было омрачено страхом наказания.

— Я постоянно бормотал какие-то извинения, постоянно просил прощения, — вспоминает он. — Я чувствовал себя невыразимо униженным.

У него развился интерес к смерти, а его фильмы пронизаны отголосками впечатлений от средневековых картин в церкви отца — всего этого жуткого мира адских мук и проклятия. (Он как-то даже удивился тому, как могут критики его постановок надеяться проникнуть в его режиссерский замысел, если они не читали катехизиса Лютера.)

— Я выжил, — говорит он о своем детстве, — и это дало мне то, против чего нужно бороться.

Поддавленные эмоции детства он пытался как-то компенсировать в школьных экспериментах с кукольным театром и с «фильмами», которые он монтировал из отрывков кинолент, продававшихся в местной лавочке. Для их демонстрации использовался домашний проектор.

Восемнадцать лет Ингмар написал роман. В то время он изучал литературу и историю искусства в Стокгольмском университете, однако диплома о его окончании не получил, потому что однажды после ссоры с родителями оставил отчий дом. В 22 года Бергман стал режиссером, а двумя годами позже навсегда связал свою судьбу со шведской кинематографией. По первому из написанных им сценариев был снят незабы-

Фото «Обсервер», Лондон.

ваемый фильм «Травля», поставленный А. Шёбергом совместно с Май Цеттерлинг.

Международная известность пришла к Бергману в 50-е годы, когда на экран один за другим стали выходить его замечательные фильмы — «Летняя игра» (1951 г.), «Лето с Моникой» (1953 г.), «Улыбки летней ночи» (1955 г.), «Седьмая печать», (1956 г.), «Земляничная поляна» (1957 г.) и другие.

Бергман мудро отверг обольщения Голливуда и остался на родине, продолжая работать со свойственным для его творчества материалом и с теми прекрасными актерами, которых он собрал для своих фильмов и театральных постановок. Созданные ими образы и по сей день захватывают воображение.

— Я никогда не призывал зрителя понимать то, что мы делаем, — заметил однажды мастер. — Я призываю лишь чувствовать.

Его обаяние — так же как и бурные проявления гнева — стало легендарным. Фрэнк Данлоп, директор-распорядитель Эдинбургского фестиваля, вспоминает, как он во время последнего визита Бергмана в Лондон должен был встретить гостя в аэропорту, но потерял его в толчее. Когда они в конце концов встретились и добрались до отеля, Бергман в ярости хватил стулом о стену, после чего к нему вернулось его обычное теплое расположение к окружающим.

Теперь он стал мягче. Его жена Ингрид, которая внешне удивительно напоминает мать Бергмана (к матери он был ближе, чем к отцу), помогает ему поддерживать сердечные отношения с его семьей детьми от прежних браков. Лето он обычно проводит на Фарё, в своем доме на этом затерянном в Балтике островке, где каждый год в июле собирается вся семья, чтобы отпраздновать его день рождения.

Распорядок дня Бергмана держится на такой же дисциплине, как и все его творчество. Он поднимается в восемь, пишет с девяти до полудня, обедает (ягоды и простокваша), работает еще два часа, в три ложится немного отдохнуть, совершает перед ужином прогулку, а вечера проводит, просматривая фильмы из своей большой коллекции 16-миллиметровых лент. В «обществе» в Стокгольме он появляется нечасто.

Его взаимоотношения с соотечественниками всегда были несколько неопределенными. Естественно, он считается и является величайшим художником Швеции со времен Стриндберга — этого еще более измученного нордического гения, которого он в некоторых отношениях напоминает. Шведы им гордятся. Но шведы в одно и то же время и чрезвычайно общительные и очень замкнутые люди, и они вовсе не обязательно с теплотой относятся к тем своим соотечественникам, которые «высываются» из общего уровня.

В своих произведениях и в режиссуре Бергман открыл нам и избавил сам от многого из тяготеющего над ним в детстве, однако некоторые обстоятельства и по сей день влияют на его личную и общественную жизнь. Когда в 1976 году у него произошел конфликт с налоговым управлением Швеции, его отказ пойти на компромисс, вполне возможно, оказался подкреплен детскими воспоминаниями о несправедливостях и постыдных незаслуженных наказаниях.

Высшая точка скандала пришла на момент репетиции «Пляски смерти» Стриндберга в Стокгольме, когда Бергман, находившийся в зените славы, был арестован прямо в театре за уклонение от уплаты налогов. Впоследствии правительство сняло свои обвинения и принесло Бергману официальные извинения. Однако шок, которому он подвергся, привел к нервному срыву. Пожив некоторое время в Нью-Йорке, Берлине, Копенгагене и Осло, Бергман удалился в добровольное изгнание в Мюнхен, где снял свой фильм «Змеиное яйцо» (1977 г.).

Его добровольная ссылка вызвала политический скандал в Швеции. Социал-демократы потерпели поражение на выборах в парламент. Однако с момента его возвращения в Швецию началось постепенное сближение обеих конфликтующих сторон, которому весьма помог «Оскар», полученный Бергманом за фильм «Фани и Александр», и то обстоятельство, что режиссер вернулся в Королевский драматический театр. Словом, мы современники замечательного мастера, карьера которого еще не завершена.

Ингмар Бергман не смог бы достигнуть в искусстве таких высот, не обладая он присущими ему тактом, обаянием, решимостью, гибкостью, работоспособностью и в первую очередь мужеством художника. В период с 1944 по 1981 год он поставил около 70 пьес, а с 1946 по 1982 год — 43 фильма, причем сценарии для большинства из них написал сам. И, кроме того, создал еще несколько сценариев для фильмов, поставленных другими режиссерами.